

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОЛОСЪ

ТЕЛЕФОНЫ: редактора 641-69, секретаря 116-70, ночная редакция 400-24

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЭКСТЪ.

ТЕЛЕФОНЫ: издателя 188-91, конторы 5-98-50, кабинетъ завѣд. конт. 403-45

Цѣна отдѣльнаго номера 40 к. Въ шкафахъ вокзаловъ 45 к.

КОНТОРА: ЕКАТЕРИННИНСКІЙ НАН., 31.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

РЕДАКЦІЯ: ЕКАТЕРИННИНСКІЙ НАН., 31.

Въ этомъ номерѣ восемь страницъ, изъ нихъ четыре страницы иллюстрированнаго приложенія.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА ГАЗЕТУ ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОЛОСЪ на 1918 годъ.

Subscription table with columns for months (На 6 мѣсяц., На 5 мѣсяц., На 4 мѣсяца, На 3 мѣсяца, На 2 мѣсяца, На 1 мѣсяц.) and rows for different types of subscribers (Безъ доставки, Съ доставкой, Съ доставкой изъ Петрогр., Съ доставкой изъ др. гор.).

ИЗВѢЩЕНІЯ И ПОСТАНОВЛЕНІЯ СОВѢТОВЪ ПЕТРОГР. ТРУДОВОЙ КОММУНЫ.

(печатается на основаніи п. 5 «Временныхъ правилъ о печати».)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ виду переноса и перевода всего населенія Петрограда...

Завѣдующій отдѣломъ жилищныхъ делъ при комиссариатѣ просвѣщенія сѣверной области назначенъ В. Р. Мейкинскій.

Народный комиссаръ по просвѣщенію А. Луначарскій. Секретарь Дм. Лещенко.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ комиссариата по внутреннимъ деламъ союза коммунъ сѣверной области.

Всѣмъ судьямъ и исполнителямъ комитетовъ сѣверной области...

Народный комиссаръ по просвѣщенію А. Луначарскій. Секретарь Дм. Лещенко.

На итальянскомъ фронтѣ.

На итальянскомъ фронтѣ до сихъ поръ еще не завершился второй периодъ...

Въ пятницу 5-го, въ газетѣ «Правда» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Борьба съ печатью»...

Въ пятницу 5-го, въ газетѣ «Правда» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Борьба съ печатью»...

Въ пятницу 5-го, въ газетѣ «Правда» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Борьба съ печатью»...

Въ грозѣ и бурѣ.

Въ пятницу 5-го, въ газетѣ «Правда» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Борьба съ печатью»...

Въ пятницу 5-го, въ газетѣ «Правда» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Борьба съ печатью»...

НОВОСТИ ДНЯ.

ВЪ МОСКВѢ УБИТЬ ГР. МИРБАХЪ. ВЪ КІЕВѢ ФОРМИРУЮТСЯ «НАРАТЕЛЬНЫЕ ПОЛКИ ДЛЯ ПОДАВЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОЗСТАНІЯ».

Гримасы дня.

— И это люди! Что вы скажете о подобномъ... — Скажу: и это люди. Гордость имъ не позволяетъ...

Откуда взять?

Газеты сообщаютъ, что совѣтское правительство предлагаетъ Украинѣ...

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверзевъ, В. Ф. Бадигинъ, П. П. Глѣбова, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайловъ, Е. А. Назаровъ, М. Киссерианъ-Даченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологубъ и др.

Въ Петроградѣ орудуетъ загадочная организація «Чортова дюжина»...

— А что старецъ подымаешь? — пошторочиваясь Лемъжъ. — Онь ишь больше, чѣмъ надо. — Онь кончить плохо и скоро. — Онда Федоровна безжалостно посмотрѣла на него.

— А что же, лучше бужетъ, или хуже? — спросила она. — Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ мірѣ...

— Куда вы? — удивилась она. — Сидеть «Рогатка» — я здѣсь сойду, — сказалъ онъ, идуща въ перчатку. — Старуха все чего-то конопилась въ углу.

стоявшая на стражѣ выдержанной корректности своихъ черточекъ. И она, по желанію дать короткому молчаливо разражаться въ долую и опасную паузу...

Въ пятницу 5-го, въ газетѣ «Правда» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Борьба съ печатью»...

Самыя чуждыя близость «протонъ», быть обязанъ вернуться, и онъ прошепталъ...

Второй Брестъ.

Всех поразило бой, который дали японцы... Вспомогательные войска... Япония... Россия...

Русские товары... Япония... Брест... Россия... Япония...

Что за китайская головоломка... Япония... Россия... Брест...

Много-ли от него останется вообще... Япония... Россия... Брест...

Достаточно сказать, что до последнего времени между Россией и Японией... Япония... Россия...

По поводу газетных сообщений... Япония... Россия... Брест...

Записная книжка.

Умерла Софья Петровна Волгина... Записная книжка... Волгина...

Арсеневой в «Восемидесятых». Брест... Волгина... Записная книжка...

Убийство гр. Мирбаха.

Пришло известие, что в Москве думают... Мирбах... Убийство...

последствиями... Мирбах... Убийство... Россия...

История знает, что в 1897 г. в Китае... Мирбах... Убийство...

В кружке Смольного полагают, что... Мирбах... Убийство...

Придется ли снова воевать?

Придется ли снова воевать? (Беседа с бывш. ген. Парским).

Придется ли снова воевать? (Беседа с бывш. ген. Парским).

В Архангельскъ.

Прибывший из Архангельска член правления... Архангельскъ... Воевать...

Революционный трибуналъ.

Вчера редактор «Молвы» В. В. Мухомов... Революционный трибуналъ...

На-лету.

Городская управа спешит к сбору... На-лету... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

О чемъ пишутъ.

Со всеми ми, официально, в миръ, по... О чемъ пишутъ... Россия...

Она была, когда врагъ под Петербургом... О чемъ пишутъ... Россия...



— Этот несчастный погибъ, не имея денегъ на хлѣбъ,— у него были только керенки!

Шпилики и занозы.

Хлѣбъ и табакъ. Стаю четыре разряда Карточекъ хлѣбныхъ, и мракъ...

По шерсти кличка.

Въ Абс «Русско-перковому»... По шерсти кличка... Карточка...

«Свое—каждому».

Позволяю себѣ сдѣлать маленькую фактискую поправку къ заметкѣ, напечатанной въ № 121 вашей газеты по поводу смерти П. Ф. Даниельсона.

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

На-лету.

Городская управа спешит к сбору... На-лету... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

«Крамолы»—съ дозволенія начальства.

Вчерашнее заседание и. к. Николаевской... «Крамолы»—съ дозволенія начальства...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

«На платформѣ бѣдлившихъ классовъ».

За превращеніе власти и пьянство нар. судомъ... «На платформѣ бѣдлившихъ классовъ»...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Жарко.

Последние жаркие дни сильно ограничи... Жарко... Мухомов...

Вслѣдствіе того, что наборъ четвертой страницы разсыпанъ по неосторожности въ послѣдній моментъ, при изготовленіи стереотипа, редакція вынуждена ограничиться выпускомъ только трехъ первыхъ страницъ, безъ включенія остальныхъ отдѣловъ.

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОЛОСЪ.

Воскресенье, 7-го іюля 1918 г. № 124.

ПЕТРОГРАДСКІЯ СЦЕНКИ.



1) Матросы даютъ пищу дѣтямъ, собирающимся къ пристани, къ обѣденному часу. 2) Распродажа библіотеки съ рукъ. 3) Въ комиссіонномъ магазинѣ съ дорогой куклой. 4) На окраинахъ Вас. Остр. женщина продаетъ домашнюю утварь.

Ориг. рис. С. Попова

ВЪ НОЧЛЕЖКЪ.

Разсказъ Е. Фортунато.

— Лохудра, рвань! — надрывался хрипый женскій голосъ, и ночлежка насторожилась.

Тускло свѣтила лампа. Парь стоялъ отъ дыханія, и въ полумгнѣтѣ разглядѣть ссорящихся было нельзя.

— Чего лаешься? Въ аренду, что ли, взяла мѣсто?

Первый голосъ опять крикнулъ, срываясь на верхнихъ нотахъ:

— Змѣя подколюдная! Подкралась... Видала, что я кажинный день на это мѣсто прихожу...

— Заткни глотку, а не то въ морду получишь! — разсердилась обруганная баба, громадная, опухшая.

Та, что ругала ее змѣей, сама похожая на змѣю, худая, изможденная, съ горящими глазами, вся точно бахромою обвитая, до того было изрвано и обтрепано ея платье, однимъ прыжкомъ подскочила къ ней, и по опухшему лицу, какъ ударъ вѣсла плашмя по вѣдѣ, хлснула смѣлая пощечина.

— А-а-а! — зарычало тучное гѣло.

Ночлежка охнула. Драки всегда развлекали. Визгиванья, хохотъ, одобрительные возгласы, подбадриванье. И только одинъ мягкій, молящій голосъ, непохожій на другихъ, уговаривалъ:

— Ну, перестаньте, миленькія... Христомъ Богомъ васъ молю!

Видѣлилась изъ толпы маленькая чистенькая старушка въ темномъ платьѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ.

— Агафья Тихоновна я, — сказала она, привѣтливо улыбаясь, и отъ нея пахнуло перегаромъ. — Тоже ночью здѣсь частенько... Полно, миленькія, лучше по хорошему... Я вамъ мое мѣстечко уступлю, мое поближе къ печкѣ будетъ... — и, обнявъ за плечи нищенку, она почти насильно уложила ее на нары, а сама стала устраиваться рядомъ.

Ночлежка засыпала. Другая сосѣдка Агафья Тихоновна, рослая, полная женщина промко храпѣла. Лица ея не было видно.

Агафья Тихоновна достала изъ узла тряпку и разослала ее на досчатомъ ложкѣ вмѣсто простыни, а подъ голову свернула пальто и тоже покрыла его бумажнымъ, хотя и рванымъ, но чистымъ платкомъ. Потомъ, любовно оглядѣвъ аккуратно сдѣланную постель, взяла кусочекъ мыла и пошла въ умывальню.

Чистенькая, довольная собой, вернулась она къ своей нарѣ.

— Царица Небесная! — шептала Агафья Тихоновна, стараясь поудобнѣ устроиться на доскахъ, — жить-то я все хотѣла по хорошему, а вотъ куда привелъ Господь!

Вспомнилась чистенькая солнечная комната въ квартирѣ ея барыни, Валентины Сергѣевны. Камеристкой при ней состояла Агафья Тихоновна, десять лѣтъ служила ей вѣрой и правдой. По паспорту артистка Валентина Суслова, значилась Офросиньей Са-

вельвной, и почему она именвала себя артисткой, даже вѣрная ея раба, Агафья Тихоновна, знать не знала и вѣдать не вѣдала.

Агафья Тихоновна въ совершенствѣ научилась завивать парики своей барыни, накладывать гримъ на ея усталое лицо. Все хозяйство тоже было на ея рукахъ. Лились деньги безъ счета. Какія оргіи по ночамъ! Границъ нѣтъ роскоши. А Агафья Тихоновна годъ отъ года все скромнѣе себя держала, трюно въ укорокъ кому-то.

Закрытая бывало въ своей дѣвичьей комнаткѣ на ночь и негодуешь на доносящіяся изъ столовой пьяные крики.

Дверь пойдетъ ночью открываться, стоитъ новому гостю пальто снимать, какъ будто и почтительная, а глаза такъ и мечутъ искры.

— Удержу ей нѣтъ... Опять другого завела... — шепчетъ про себя. — Все ей мало!

Часто гости «на чай» ей давали. Иной разъ въ пьяномъ видѣ пытались за подбородокъ уцепиться или за грудь схватить.

Умѣла выворачиваться. А къ себѣ придетъ, — отплевывается.

— Ты что это какая недотрога, Агафья Тихоновна! — хрюкаетъ бывало Валентина Сергѣевна. — Записалась въ старья дѣвы и хочешь такъ засохнуть на всю жизнь?

— Нѣтъ, барыня. Я только хочу все по хорошему... Такъ сказать, счастья своего дожидалось.

Камеристкѣ подавали съ барскаго стола и вина, и драгоцѣнныя закуски, и загорскія фрукты. Не цѣнила ихъ Агафья Тихоновна. Жуетъ себѣ равнодушно ананасъ, сидитъ въ плуховомъ креслѣ, и мечтаетъ о мороженыхъ яблокахъ, о простенькой, бѣдно убранной комнаткѣ; видитъ кровать съ грудой подушекъ, но зато видитъ тоже и обручальное кольцо на своемъ темномъ хрупчатомъ пальцѣ. Вѣрить, что у нея будетъ законное право спать на такой постели со своимъ избранникомъ, а что Валентина Сергѣевна такого права никогда не получитъ.

Десять лѣтъ такой жизни. Копить Агафья Тихоновна. Полны ея сундуки, лежать деньги на книжкѣ. Подыскала себѣ мужа. Загогъ за него послѣ свадьбы внесетъ и на мѣсто швейцаромъ поставитъ.

Свѣженькая, какъ всегда гладко причесанная и аккуратно одѣтая, вошла она въ спальню Валентины Сергѣевны, придая своей новостью.

Валентина Сергѣевна еще спитъ. Обшитая кружевами простыня соскользнула съ ея полнаго обнаженного плеча. Черное родимое пятно, съ ррѣхъ величиною, выдѣляется на матовой бѣлизнѣ кожи.

Агафья Тихоновна почему-то стыдится этого пятна и старается замазать его кремомъ и пудрой, когда одѣваетъ барыню на балъ. Но Валентина Сергѣевна не даетъ.

— Дура ты! Это и есть красота... Другія нарочно себѣ выжигаютъ.

Теперь лицо Валентины Сергѣевны опухло. Губы обвисли. Она сопитъ.

«Очень ужъ на вино налегать стала, — думаетъ горничная, — такъ недолго продержится».

— Ты че? — неожиданно просыпается Валентина Сергѣевна. — Видно новость важная, что сама пришла безъ моего звонка?

— Да, барыня, у меня новость важная. Ухожу я отъ васъ...

Валентина Сергѣевна вскочила. Глаза протираетъ, не вѣритъ. Вся въ бриллиантахъ, даже серги и ривьеру на ночь не сняла. Голова косматая, локоны обились. Синева подъ глазами размазалась по щекамъ, смѣшиваясь съ румянами. А все еще красива, хоть и ей тоже за тридцать.

— Ты что, опалѣла, что ли, или мѣсто выгоднѣе себѣ нашла?..

— Нѣтъ, я не мѣсто... Замужъ выхожу, въ воскресенье свадьба.

Смѣхъ какъ-то судорожно вырвался изъ осипшаго отъ вина горла.

— Замужъ? Ха, ха, ха! И флердоранжевый вѣнокъ надѣнешь, да?

— Надѣну, — съ достоинствомъ отвѣчаетъ Агафья Тихоновна, — все какъ слѣдуетъ быть.

А взгляды ея говорить:

«Я имѣю право на эти цвѣты невинности, не то, что ты».

— Дура! Оберетъ онъ тебя... Жила бы съ нимъ такъ, коли невтерпѣжъ!

— Нѣтъ, барыня, я хочу по хорошему, по закону... Я не какая-нибудь...

Она не договариваетъ, и Валентина Сергѣевна чувствуетъ презрѣніе въ ея слухахъ.

Разстанутся онѣ тайными врагами, хотя мирно прожили цѣлыхъ десять лѣтъ вмѣстѣ.

— Вспомнишь еще меня, Агафья Тихоновна, покажешь, что ушла! — говоритъ Валентина Сергѣевна на прощанье.

— Какъ Богъ дастъ, — смиренно повторяетъ горничная.

Все первое время послѣ замужества ей снились разгульные ночи Валентины Сергѣевны.

Приснится такая страшная сонъ, проснется, вскочитъ и самодовольно улыбаются. Нѣтъ, зря напугалась. У нея все по закону, все по хорошему. Ни вина, ни окурковъ, ни пьяныхъ гостей. Мужъ, Петичка, спитъ рядомъ съ нею, все чисто и благоприсойно въ ихъ комнатѣ.

И гордится Агафья Тихоновна своей жизнью, гордится родившимся первенцомъ, думаетъ вскозь: «У той-то дѣтей не было и не будетъ!»

Еще нѣсколько лѣтъ и перестаетъ вспоминать о прошломъ.

Но катившееся въ гору колесо ея жизни разомъ обрывается въ пропасть... Бѣда за бѣдой... И теперь въ ночлежкѣ Агафья Тихоновна думаетъ:

«Кабы барыню мнѣ мою, голубушку, разыскать»...

И все ворочается съ боку на бокъ на жесткихъ доскахъ, не находя покоя.

Громадная пруда пестрыхъ тряпокъ съ правой ея стороны шевелится, стонетъ.

Сонъ отзывается въ настрадавшейся душѣ Агафьи Тихоновны и будитъ все горькое. Плачетъ беззвучно, чтобы никого не разбудить.

Сонъ справа все настойчивѣе, все мучительнѣе.

— Миленькая! — не выдерживаетъ Агафья Тихоновна, наклоняясь къ тряпью. — Что съ вами? Не томите вы мою душу...

— Ой, спина! Ой не могу! — рычитъ сильный голосъ...

— Спина болитъ? — участливо повторяетъ старушка. — Ну, дайте я васъ, миленькая, разотру. Умѣю я все хорошо, право умѣю...

— Ой... — не понимаетъ сосѣдка.

И Агафья Тихоновна, наклонившись къ ней, роется въ ея отрешьяхъ.

— Массажъ вамъ сдѣлаю, миленькая моя! Охъ умѣю я, все умѣю... причисывать и одѣвать... Бывало у моей барыни какая кожа нѣжная...

Она обнажаетъ тѣло этой женщины и какъ-то по-дѣтски радуется, что у нея кожа бѣлая, чистая. Касается ее своими заскорузлыми, огрубѣвшими пальцами и вздрагиваетъ отъ удовольствія при знакомомъ ощущеніи. Такъ ясно всплываетъ въ памяти счастливое прошлое.

Скоро пальцы находятъ прежнюю, утраченную былъ гибкость. Какъ пухъ ихъ прикосновеніе. Женщина перестала стонать.

Агафья Тихоновна, раскраснѣвшись, нагнулась къ ней совсѣмъ близко.

Что это? Такъ перенеслась она въ прошлое, что чудиться ей стало?

Съ правой стороны на спинѣ, пониже лопатки у этой такое же черное родимое пятно, съ орѣхъ величиною.

И запахъ отъ нея какъ будто знакомый, несмотря на всю ночь ночлежки и на эти грязныя отрешья.

— Валентина Сергѣевна, миленькая вы моя! — вскрикиваетъ Агафья Тихоновна, не сомнѣваясь больше.

Женщина вздрогнула. Давно забытое имя. Пръ вертепамъ, въ больницѣ, въ ночлежкахъ ее зовутъ теперь только Офросиньей, Офросиньей Савельевной, какъ значится въ паспортѣ. Валентина, — это блескъ шелка, сверканье брилліантовъ, аромат дорогого вина.

Обрюзгшее, налитое лицо, почти испуганно всматривается въ старушку.

— Агафья Тихоновна! — неуклюже выговариваетъ распухшій языкъ, и она плачетъ пьяными слезами.

— Вотъ цѣдъ довелось! Барынька, миленькая вы моя!

— Ты-то какъ здѣсь? — спрашиваетъ Валентина, потряхивая головой, чтобы прояснить мысли. — Вѣдь счастья хотѣла, уходя ртъ меня «шоль по закону, не какая-нибудь»...

Старинная обида звучитъ въ голосѣ.

— Полно вамъ... — Агафья Тихоновна отворачивается, чтобы слезы не капнули на бѣлую спину. — Не со зла я отъ васъ ушла, пристроиться хотѣла на всю жизнь... Кто же зналъ? Я очень хорошо жила, Петечка такой старательный былъ. И вотъ въ одну зиму все прахомъ пошло... Этакъ, вдругъ, точно обухомъ по головѣ... И опомниться не успѣла. Захворалъ сначала сынокъ... Лежалъ порядочно. Доктора ходили... Много мы денегъ потратили. Померъ... Взять Господь! Потомъ дѣвчонки слегли, и Петичка отъ мѣста отказали, потому заразная-то болѣзнь у нихъ была, оспа, и ему, какъ швейцару, никакъ нельзя съ такими больными. На частную квартиру перебрались... Хотѣлъ Петечка, чтобы дома лежали... Очень ужъ онъ дѣвчонку любилъ, ничего какъ есть не жалѣлъ для нихъ. И все больше за ними самъ, потому, какъ померъ сынокъ нашъ, у меня, вѣрите ли, точно что внутри оборвалось, силы прежней не стало... Ну, и вотъ Петичка заболѣлъ за ними ходивши... Слегъ самъ... Знобило, горѣлъ весь... А только безъ сыни. Въ больницу его отвезла, такъ приказывалъ. Манечка-то еще при немъ тогда утромъ кончилась, а Зина будто поправляться стала. «Ты отъ нея не отходи!» — приказывалъ Петечка, — береги пуце глаза». А я какъ шальная. Денегъ не жалѣю, вещи всѣ раздаю, что что хочетъ, тотъ и беретъ. Съ вечера рѣшила, что утромъ мужа пойду въ больницу навѣстить и заснула маленечко... Вѣдь, трое сутокъ все у кровати дѣвчурки, не пивши, не ѣвши... Какъ сейчасъ помню, полночь на часахъ была, вскочила это я точно помѣшанная, только успѣла къ Зинѣ наклониться, а она и Богу душу отдала. Трясу ее, глазомъ своимъ не вѣрю, и главное дѣло, страшно Петечкѣ сказать... Ужъ какъ до разсвѣта дождала, и не скажу вамъ. Съ утра въ больницу отправилась. Ищу его въ общей палатѣ, хожу этакъ промежъ коекъ, ничего не спрашиваю... Знаю, что долженъ онъ тутъ лежать, а найти его не могу. Одного ширмами поставили, значитъ кончился и не убираютъ, пока докторъ не придетъ. Заглянула за ширму и вижу мой Петечка, ну, словно живой, на спинкѣ вытянувшись... Грохнулась на полъ... Ну и пришлось мнѣ въ больницу лечь... А какъ вышла, дѣваться некуда, все-то разворовано, кое-что изъ платья все же продала, уголь сняла въ надеждѣ на мѣсто... Да вотъ незадача! День денской маешься, нахолодаешься, наголодаешься, ну, конечно, и выпивать стала... Вотъ сюда и скатилась. Такъ-то все скоренько, не опомниться... А вы какъ, миленькая вы моя?

— Ты скоренько, а надо мной судьба глумилась, что кошка съ мышью играла, — хрипѣлъ осипшій голосъ. — Въ клубъ меня сманили, съ этого началось. Зажглась во мнѣ страсть новая. Ни вина, ни ласкъ, ни брилліантвъ не надо, только играть дай. Дѣв зиму безъ удерку играла. Какъ ночь, такъ я въ клубъ, а потомъ пьянствую до утра. Подлецъ этотъ, князекъ грузинскій, — кажется, бывалъ онъ при тебѣ? — болѣзнью меня наградила. Да такъ забрало, что и мнѣ

пришлось въ больницу лечь. Какъ вышла оттуда, всѣ отпалнулись. Шика прежняго не стало, содержателя богатаго не смогла найти. Размѣниваться пришлось, и въ клубъ перестали пускать... Только, все-таки, въ частномъ домѣ игра шла у одной моей прежней товарищи. Съ улицы я гостей принимаю стала и какъ подучу поганья эти деньги, всѣхъ ихъ на зеленое суюно. Еще до больницы дѣла мои пошатнулись, кое что изъ обстановки продала, лошадей держать перестала... А послѣ больницы, — все ниже да ниже спускалась, со ступеньки на ступеньку. Съ прежней квартирой распрощалась, меблированную сняла. Двери всѣмъ распахнула... Еще ступенька. Изъ квартиры выпали, нечѣмъ было платить. Въ комнату перебралась. На квартирѣ-то все еще что-то о себѣ думала, держалась... А тутъ билетъ выдали и безъ разбору... И опять болѣзнь... Заживо вся тнлю... Помнишь шампню мою желтую, уборную всю зеркальную, тельныя ванны! По цѣлому флакону духовъ каждый разъ въ воду выливали. Выйдешь изъ ванны, трчно перламутровая, и голова отъ аромата кружится. А ты растираешь... Глотокъ хододнаго шампанскаго, а ты все трешь... Какое наслажденіе! Три, Агафья Тихоновна, растирай хорошенько!.. Вотъ тутъ... Не повѣришь, какъ изболѣлась.

Спать ночлежка. Храпъ, бредъ, стоны сводомъ поднимаются надъ шарами. Встрепенется лохматая голова. Воспаленные красные глаза оглядятся. Всюду неподвижныя груды тряпья. Только тамъ, въ углу двѣ фирмы выдѣляются. Одна прильнула къ другой. Шепчутся, плачутъ, нацвортятся не могутъ за эту долую ночь. Точно въ кинематографѣ показывають другъ другу картину за картиной.

— Вотъ цѣдъ Богъ привелъ встрѣтиться, — все повторяетъ Агафья Тихоновна. — Дайте я васъ, миленькая, укрою... Хотъ маленечко засните! Подъ бочекъ? Да, да, я не забыла... Все, какъ сейчасъ помню... Эхъ, подушечки вашей маленькой нѣтъ! Покойной вамъ ночи, засните часокъ, друтой... А коли утромъ меня уже не будетъ здѣсь, лихомъ не вспоминайте...

Валентина храпѣть. Агафья Тихоновна нѣсколько мгновеній стрѣитъ надъ нею молча.

Потомъ, привычнымъ жестомъ приглаживаетъ волосы, оправляетъ платье и возвращается къ себѣ на нарѣ, но уже не спитъ.

Блѣдный нерычительный разсвѣтъ глядится въ окна. Она торопливо встаетъ и уходитъ, чтобы не встрѣчаться здѣсь ни съ кѣмъ при дневномъ свѣтѣ. Ей стыдно.

— Эхъ, кабы мѣстечко! — шепчутъ дрожащія губы, но въ душѣ она знаетъ, что не достать ей мѣста, да и не нужно оно ей, не подъ силу, вѣдь всѣ онѣ здѣсь уже конченныя и не оправятся имъ никогда.

Зашевелились фигуры на парахъ. Оборванныя, грязныя, измученныя случайныя постыи унылаго дома медленно расползаются по безлюднымъ улицамъ равнодушнаго къ ихъ горю города.

Е. Фортунато.

Въ свободной Украинѣ.



Унтеръ. Ну... Кричи весело, якъ я: здравія желаю ваше ясновельможне гетманское вельчество!..